DOI 10.31162/2618-9569-2021-14-1-226-248

УДК 159.9.072.432

Original Paper

Оригинальная статья

Актуальные проблемы неэтнических мусульманок в регионах с мусульманским меньшинством (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области)

Л.Д. Суюнова^{1а}

¹Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2606-2915>, e-mail: lada-suyunova@mail.ru

Резюме: В статье представлены результаты социально-психологического исследования, проведенного в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В его задачи входило понять причины принятия ислама женщинами в регионах с мусульманским меньшинством, выявить особенности их адаптации к новой религиозной идентичности, специфику и пути решения актуальных для них проблем. В исследовании применялся метод качественных (глубинных) неструктурированных биографических интервью и модификация теста Куна-Макпартленда «Кто Я». В статье описана структура исследования, особенности региона его проведения и изучаемой социально-религиозной группы. Актуальные проблемы неэтнических мусульманок классифицированы на общие, связанные с адаптацией к новой религиозной идентичности, и специфические, связанные с особенностями региона. К специфическим отнесены проблемы трудоустройства и учебы в хиджабе; религиозной практики вне дома; халяльного питания детей; принятия религиозного выбора женщины близкими ей людьми; замужества; социальной незащищенности; коммуникации в мусульманском сообществе. На основе анализа данных проблем обозначены пути их решения.

Ключевые слова: неофиты; русские мусульманки; неэтнические мусульманки; социальная адаптация; ислам в Санкт-Петербурге

Для цитирования: Суюнова Л.Д. Актуальные проблемы неэтнических мусульманок в регионах с мусульманским меньшинством (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области). *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(1):226-248 DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-1-226-248

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Суянова Л.Д.

Актуальные проблемы неэтнических мусульманок в регионах с мусульманским меньшинством (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области)

Actual Problems of Non-Ethnic Muslim Women in Regions with a Muslim Minority (on the example of St. Petersburg and the Leningrad Region)

L.D. Suyunova^{1a}

¹Russian Islamic Institute, Kazan, the Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2606-2915>, e-mail: lada-suyunova@mail.ru

Abstract: The article presents the results of a socio-psychological study conducted in St. Petersburg and in the Leningrad Region. The main objectives of the research were: to understand the reasons of why women adopted Islam in regions with a Muslim minority, to identify the features of the adapting process itself in accordance with a new religious identity and to investigate the specifics and solutions of the problems they faced. We used the method of qualitative (in-depth) unstructured biographical interviews and a modification of a “Who am I” test by Kuhn-McPartland. The article describes the study structure, reveals the regional features of its implementation and also names the socio-religious specifics of the groups under study. All the urgent problems of non-ethnic Muslim women can be classified into the so-called general problems relating to adaptation to a new religious identity and specific ones relating to the features of the region. Specific problems are: the issues connected with employment and education, wearing hijab, with religious practices outside home, children halal nutrition, acceptance of a woman’s religious choice by the closest people, and also the difficulties connected with marriage, social insecurity and socializing in Muslim community. Based on the analysis of the above-mentioned problems the ways of solving them are outlined.

Keywords: neophytes; Russian Muslim women; non-ethnic Muslim women; social adaptation; Islam in St. Petersburg

For citation: Suyunova L.D. Actual Problems of Non-Ethnic Muslim Women in Regions with a Muslim Minority (on the Example of St. Petersburg and the Leningrad Region). *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(1):226-248 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-1-226-248

Введение

В последние десятилетия, на фоне возросшего интереса к религии в постсоветском обществе, наблюдается рост числа людей, осознанно принимающих ислам. Это заметно не только в Поволжье и на Кавказе, но и в регионах, где мусульмане составляют религиозное меньшинство. Как следствие, феномен религиозной конверсии, вопросы формирования религиозной идентичности, социальной и психологической адаптации новообращенных мусульман сегодня широко изучаются социологами, антропологами, психологами.

С позиции психологии религиозная конверсия «рассматривается как радикальный тип изменений личности, свернутый во времени и затрагивающий ее когнитивные, аффективные и поведенческие структуры» [1]. Согласно социологическим исследованиям В.Б. Исаевой [2] и Т.С. Прониной [3], в структуре личности неофитов религиозная идентичность становится ключевой чертой. Т.С. Пронина отмечает, что она часто подчеркивается через противоположение своей жизни «до» и «после» обретения нового вероисповедания (в пользу последнего) и строгое следование новым религиозным практикам [3]. Неофитам как людям, воспитанным вне мусульманской традиции, свойственно конструировать свою новую идентичность на основе собственного религиозного опыта, без достаточных знаний об исламе. Для них характерно особое стремление к распространению в обществе ценностей обретенной ими религии и преувеличенная ревность в поклонении [4]. Такая позиция нередко провоцирует конфликты в семейных отношениях и в социальной сфере: на работе, по месту учебы, в кругу друзей.

С точки зрения психологии процесс выстраивания идентичности крайне важен, так как через призму идентичности происходит разделение окружающих на своих и чужих. М.М. Мchedлова определяет религиозную идентичность как результат самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью. Автор выделяет внутреннюю религиозность, т.е. Веру как таковую, и внешнюю религиозность, т.е. соблюдение определенных религиозных обрядов, церемоний, ритуалов [5]. А.В. Малашенко, рассматривая идентичность в контексте мусульманской религиозности, выделяет три ее уровня: личностный (мировоззренческий), традиционно-обрядовый и социальный, на котором происходит социализация мусульман как членов общины [6].

На наш взгляд, основная трудность адаптации неофитов к новой религиозной идентичности заключается, с одной стороны, в нехватке религиозных знаний, а с другой стороны, в недостаточной психологической поддержке со стороны близких людей, привычного круга общения и обретенных единомышленников. Родители, друзья и коллеги часто не принимают их религиозный выбор, а в мусульманское сообщество они еще не интегрированы. Кроме того, близкие неофитов, беспокоясь за них и наблюдая кардинальные изменения в их жизни, склонны отторгать эти изменения, чему способствует негативный окрас образа ислама в СМИ.

Спецификой Санкт-Петербурга и его области является крайне разнородный этнический состав мусульман и двойное психологическое давление

на новообращенных мусульманок – со стороны общества и со стороны этнических мусульман. Коренные жители часто формируют свои представления об исламе через призму восприятия мигрантов и экстраполируют их на новообращенных мусульман, из-за чего последние нередко становятся «чужаками» в сознании большинства. На женщинах это сказывается больше, чем на мужчинах. Они чаще мужчин нуждаются в духовной и психологической поддержке, нередко обращаясь за ней к имамам мечетей. Однако помощь не всегда бывает эффективной в силу разности менталитетов неэтнических мусульманок и лидеров тех общин, к которым они обращаются за советом.

В некоторых национальных молельнях (например, таджикской, узбекской) посещение женщинами джума-намазов неприемлемо. Новообращенные мусульманки чаще общаются в женском кругу либо в социальных сетях. За мужние через своих мужей разной национальности могут воспринимать ислам совершенно по-разному и в общении нередко ощущают противоречивость в восприятии ислама друг другом. Это мешает их сплоченности как группы, затрудняет самоидентификацию и формирует поле специфических проблем.

Интересной и успешной попыткой найти пути решения проблем во взаимоотношениях родителей-немусульман со взрослыми дочерьми, принявшими ислам, является работа К.Л. Энвей, которая провела социологическое исследование, собрав истории 53-х урождённых американок, ставших мусульманками [7].

В Российском пространстве подобных исследований мало. Из отечественных социологов изучением религиозной конверсии занимались В.Б. Исаева [2; 8] и А.И. Любимова [9]. Исследование А.И. Любимовой проводилось в СПб, что было особенно ценно для нас, однако ее респондентами были последователи НРД Международного общества сознания Кришны. К теме неофитов и религиозной идентичности в контексте принятия ислама обращались О.С. Павлова [10], А.В. Корчагина [4], А.О. Никитичева [11], А.В. Погонцева [12]. Работы последней представляли наибольший интерес для нас. Схожесть темы и тот же регион исследования позволили выявить корреляцию с результатами нашего исследования.

Тему социализации ислама, статуса и идентификации мусульманских женщин в пространстве Северо-Западного региона разрабатывали Н.Ю. Бариева, К.И. Муслимова, С.Ю. Зязин [13; 14]. О путях решения психологических проблем неофитов пишут Ю.Ю. Асеева [15] и В.Р. Бикбаева [16].

В целях выявления причин принятия ислама женщинами в регионах с мусульманским меньшинством, особенностей их адаптации к новой религии-

озной идентичности, специфики и путей решения актуальных для них проблем нами проведено социально-психологическое исследование. Для его проведения применялся метод качественных (глубинных) неструктурированных биографических интервью [17]. Всего 27 интервью содержали по 37 вопросов открытого типа, разделенных на четыре тематических блока:

- 1) путь в ислам и этапы религиозной конверсии – 10 вопросов;
- 2) религиозная практика и отношения с Богом – 10 вопросов;
- 3) отношения в семье и в социуме – 14 вопросов;
- 4) самоидентификация и представления об исламе на основе модификации теста Куна-Макпартленда «Кто Я» [18] и двух опросов методом неоконченных предложений. В опросах респондентам предлагалось окончить предложения «я мусульманка – это значит, что я...» и «ислам – это...» десятью различными способами.

Для отбора участников исследования мы установили четыре критерия:

1. Наличие религиозной конверсии в опыте респондента.
2. Проживание в Санкт-Петербурге или в Ленобласти не менее трех лет.
3. Признание шести основ имана, соблюдение намаза и поста в рамадан.
4. Пребывание в исламе не менее четырех лет.

Для определения религиозной конверсии и ее механизма в опыте респондента мы опирались на классические работы зарубежных исследователей: Льюис Р. Рамбо [19], который синтезировал и развил взгляды своих предшественников Уильяма Симса Бейнбриджа и Родни Старка [20], а также Дэвид Сноу и Ричард Мэхэлек [21], несколько дополнившие теорию Р. Рамбо. Для рассмотрения категории религиозности и структурной составляющей конверсии нами применялась многомерная модель религиозности Ч. Глока и Р. Старка, теория конверсии Дж. Лофланда и Р. Старка [22]. В качестве базовых теоретико-методологических оснований для соотношения религиозной и социальной идентичности применена теория сложной социальной идентичности С. Роккаса и М. Брюера [23].

Результаты исследования и их интерпретация

Первый блок (10 вопросов) касался мотивов прихода участниц в ислам и этапов их религиозной конверсии. Респондентам предлагалось рефлексировать разные периоды жизни, вспоминая, что из опыта более всего повлияло на формирование их религиозной идентичности и последующей ее смены.

Анализ ответов на вопросы первого блока выявил высокий интеллектуальный уровень и образовательные запросы респондентов: 67% из них имеют высшее образование, в т.ч. 11% – специалисты в двух областях знаний и 7% имеют научные степени. То же самое наблюдала А.О. Никитичева в Подмосковье: «Базовый уровень образования русских мусульман, как правило, высок, они готовы к восприятию информации сложной, требующей рефлексии и доказательной базы» [11]. А.И. Любимова также отмечает, что «все информанты, участвовавшие в исследовании, имели высокий уровень образования и заявляли, что это типичная ситуация» [9]. Возможно, во всех трех случаях образованность связана с проживанием респондентов в мегаполисе или поблизости от него. А возможно, что это отличительная черта людей ищущих, открытых к восприятию ценностей иной культуры.

До прихода в ислам 93% респондентов придерживались взглядов, схожих с родителями или с одним из них. В остальных случаях, возможно, имело место протестное поведение в совокупности с влиянием школы (например, дочь православных родителей верила в теорию эволюции). Уровень религиозности респондентов до прихода в ислам представлен диаграммой №1, а уровень религиозности их родителей отражен на диаграмме №2. Сведения о каждом из родителей для построения диаграммы №2 учитывались отдельно.

Рис.1. Религиозность респондентов до ислама

Fig. 1. Religiosity of respondents before adopting Islam

Рис. 2. Религиозность родителей респондентов

Fig. 2. Religiosity of the respondents' parents

Как мы видим, перешедшие в ислам женщины воспитывались в семьях с очень разным уровнем религиозности. Таким образом, религиозное воспитание не гарантирует, что, повзрослев, ребенок сохранит религиозную принадлежность.

67% опрошенных осознавали свое состояние перед переходом в ислам как кризисное, что вписывается в теоретические модели религиозной конверсии Дж. Лофланда и Р. Старка [22], а также Л.Р. Рамбо [19]. С другой стороны, из 67% подтвердивших наличие кризиса каждый 6-й респондент характеризовал этот кризис не как духовный или личностный; кризис был связан с разводом и со смертью близкого человека. Остальные 33% опрошенных не считали свое состояние до прихода в ислам кризисным. Механизм конверсии в этих случаях больше соответствует модели, описанной в учебном пособии Т.Е. Седанкиной [24], где выделено восемь типов религиозной конверсии: традиционный, детский, трагический, спасающийся, образцово-показательный, протестный, интуитивный и ищущий. Согласно данному исследованию, вхождение в религию вышеупомянутых трех респондентов можно классифицировать как «интуитивный и ищущий» и как «трагический» тип религиозной конверсии.

Часто причиной интереса к исламу среди респондентов, воспитанных в православии, называлась неудовлетворенность христианской догматикой, внутреннее несогласие с концептом Троицы и непонимание отдельных церковных обрядов. Эти данные коррелируют с исследованием А.В. Погонцевой [12], а также с исследованием Ю.В. Максимова, результаты которого приводит Т.Е. Седанкина в учебном пособии по религиозной социологии [24]. Диаграмма №3 иллюстрирует наиболее частые ответы на вопрос «Что не устраивало в предыдущей картине мира (до прихода в ислам)?» и отчасти характеризует психологическое состояние респондентов на момент проявления интереса к исламу.

Рис. 3. Ответы на вопрос: «Что Вас не устраивало в картине мира до ислама?»

Fig. 3. Answers to the question: "What did not suit you in the picture of the world before Islam?"

В качестве ключевой причины принятия ислама респонденты чаще всего называли: «осознание, что ислам – истина», или «осознание единст-

ва Бога». При подробном расспросе выяснялось, что в 67% случаев был мусульманин, вызвавший интерес и симпатии респондента благодаря своим личным качествам, а интерес к исламу – следствие этого. В 40% случаев это был муж или будущий муж. 15% участниц решающим назвали впечатление от чтения перевода Корана; 18% – иные причины, например, сравнительный анализ различных религий путем чтения книг или рациональный выбор. Еще большее место отводит роли социального фактора А. Погонцева в схожем исследовании: «В 90% случаев главным фактором, определяющим первое знакомство и первые знания респондента об исламе, было наличие в окружении мусульман» [12].

Второй блок (10 вопросов) касался внутренних изменений в связи с приходом в ислам, религиозной практики респондентов, их отношений с Богом и того, как они ощущают проявление божественного в их жизни.

Рефлексируя опыт принятия ислама, большинство описывают свои ощущения как чувство легкости, облегчения, полета, правильности выбора и ответа на внутренние вопросы, но были и исключения: *«Сначала была растерянность. После прочтения шахады нам с подругой сказали, что мы теперь мусульманки, но что дальше делать со своим мусульманством я не знала, пока не посетила центр "Источник"»*.

Другая участница описала свое состояние как шоковое в связи с тем, что *«...перед принятием ислама и прочтением никаха имам задавал мне вопросы об исламе, самые простые, но я затруднялась ответить. Я чувствовала себя перед этими незнакомыми людьми как на экзамене, который с треском проваливаю. Закончив расспросы об исламе, имам сказал: "По какому вопросу вы пришли? Если принять ислам – сейчас у тебя мало знаний, иди поучи, а выучишь – придишь. А что касемо никаха, то вы хотите просто избавиться себя от греха". Я не понимала, почему я искренне хочу принять религию, а мне не разрешают»*. Эта женщина приняла ислам в той же мечети через неделю подготовки.

В целом 4 участницы назвали свои ощущения в момент принятия ислама эйфорией; 18 оценили опыт как положительный; 2 – пребывали в состоянии растерянности; 2 – очень нервничали; 2 – не могли вспомнить; 1 – ничего особо не почувствовала.

После принятия ислама мировоззрение женщин менялось в разной степени, что отражено в табл. №1. Обнаружена закономерность: чем более верующей была респондент до ислама и чем шире был ее кругозор, тем естественнее, логичнее и легче ощущалось ею принятие ислама. Часть респондентов

связывают изменения в картине мира не только с принятием ислама, но и с накоплением жизненного опыта вообще.

Таблица 1. / Table 1.

Изменение картины мира респондентов в связи с принятием ислама
Change in the view of the world of respondents in connection with the adoption of Islam

Степень изменений	%	Суть изменений / типичные ответы
Не изменилась	26	Переход к исламу был очень естественным и плавным.
Мало изменилась	18	Границы дозволенного и запретного стали четче, изменились отношения с мужчинами.
Сильно изменилась	26	Жизнь приобрела осмысленность и осознанность, появилась ясность как двигаться дальше, стала понятна система взаимоотношений с Богом.
Внутренние изменения были сильнее внешних	15	Стала работать над собой: улучшился характер, нрав, отношение к людям. Стало легче прощать.
Полностью изменилась	15	Пришло понимание неправильности моего образа жизни, признание последствий этого и кардинальные изменения

Наиболее ценным религиозным опытом респонденты чаще всего называли опыт рамадана: пост, коллективные ночные молитвы, общение с единоверцами. Также часто озвучивался опыт получения знаний и обучения чтению Корана. Свою связь с Богом почти все ощущают как ответ на молитвы или на внутренние вопросы и в том, как складываются события жизни. 26% отметили ощущение связи в процессе самой молитвы, в том числе 15% отдельно выделили молитву «Истихара»¹. Многие видят проявление божественного в неожиданном облегчении трудностей, в природных закономерностях, в красоте мира. 26% сказали, что не видят отсутствия божественного в жизни – для них это некая постоянная.

Заключительными вопросами второго блока были вопросы о религиозной практике респондентов. 85% опрошенных отметили, что у них возникают проблемы (трудности/неудобства) с религиозной практикой вне дома. В большинстве случаев это взятие омовения в общественных местах, чтение намаза. В целом, сегодня в СПб гораздо легче найти место для намаза, чем

¹ В пер. с араб. «поиск блага в деле» – особая мольба при поиске руководства Божия в каком-либо деле.

10–15 лет назад. Для этого достаточно зайти в кафе-халяль, на крупный рынок или в магазин мусульманской одежды. Некоторые молятся в примерочных или в укромных уголках крупных торговых центров. Сложнее тем, кто днем работает либо учится: немногие учреждения предоставляют возможность для молитвы.

Проблема с халяльным питанием для СПб не столь актуальна (число халяльных магазинов и кафе растет здесь день ото дня), но в области таких мест мало. Цены на халяльное мясо и птицу примерно на 30% выше, чем на не халяльные. Наиболее остро стоит проблема с халяльным питанием детей в детских садах, школах, лагерях летнего отдыха, в период пребывания в больницах и в санаториях.

В школу дети обычно берут обед из дома или покупают в столовой то, что им дозволено. В детских садах большинству удается договориться с заведующей или воспитателем, чтобы ребенку не клали мясо. В некоторых случаях требуют справку от аллерголога, что мясо ребенку нельзя – религиозные соображения не всегда считаются уважительной причиной.

Хиджаб носят 26 участниц исследования, и только пять сказали, что у них никогда не возникали конфликты с окружающими по этому вопросу. Десять рассказали о редких проявлениях негатива, в основном со стороны случайных прохожих. Трое периодически сталкивались с негативным стереотипным восприятием «женщины в платке» в учебном учреждении, администрации, поликлинике и т.п. Восемь участниц сталкивались в результате решения надеть хиджаб с серьезными проблемами: увольнение / смена работы – 3; перевод дочерей на семейное образование – 1; вынужденное снятие хиджаба дочерью в школе – 1; временный отказ от хиджаба из-за давления окружающих – 2; непримиримый конфликт с родителями – 1.

Третий блок (14 вопросов) касался семейных отношений и социальной сферы. Нашей задачей было выяснить, с какими проблемами респонденты сталкивались сразу после принятия ислама (в период неофитства) и в последующие годы, как удавалось их решать. Круг вопросов охватывал отношения с родителями, родственниками, друзьями, коллегами, а также трудности, связанные с соблюдением религиозных норм вне дома.

В ходе опроса 44% респондентов признались, что боялись или не решались сказать о смене религии родителям или одному из них. В большинстве случаев их опасения были оправданы – выбор не был принят. В отдельных случаях принятие ислама привело к разрыву родственных уз. Только 22% ре-

спондентов сказали, что с приходом в ислам их отношения с друзьями и родственниками не изменились либо улучшились.

Трудности в семье, возникающие вследствие принятия ислама, респонденты объясняют себе в терминах «испытание от Аллаха», причины для проявления терпения «сабр». Большинству обретенная вера помогла сохранять спокойствие и доброжелательность.

Рефлексируя период неопитства, 62% респондентов назвали главными причинами конфликтов, связанных с переходом в ислам, собственный максимализм, категоричность, негибкость, а 22% – негативное, основанное на стереотипах отношение их окружения к мусульманам. Основным источником негативных стереотипов назывались СМИ.

Связанные с религией проблемы в воспитании детей возникали примерно в половине семей участниц. Чаще всего они были в трех случаях: если муж иной национальности, с иными семейными традициями; если родители жены/мужа негативно относятся к исламу; если дети уже были в осознанном возрасте, когда их мама приняла ислам. Сообщается также о конфликте семейных ценностей с требованиями учебных учреждений, таких как запрет со стороны администрации школы на ношение хиджаба, вследствие чего девочка-подросток «теперь сама не хочет его носить, хотя инициатива изначально была ее» (респондент №25).

Отдельная группа проблем связана с переводом детей-мусульман на семейное образование. Часто эту форму обучения выбирают для себя те семьи, где считается неприемлемым смешение полов в учебном процессе, отмечание светских государственных праздников, слушание музыки и изображение живых существ, даже детьми. Дети в таких семьях не всегда хорошо социализированы, иногда родители противопоставляют их обществу, что при взрослении также может вызвать ряд трудностей.

Проблему замужества считают актуальной 85% респондентов. Среди причин ее возникновения названы: утрата традиции сватовства, свойственной мусульманским странам; сложность знакомства дозволенным в исламе образом; недостаток информации у потенциальных супругов друг о друге; разность менталитетов; отсутствие у женщин вали (опекуна), особенно если родители не в исламе; неосведомленность невесты о махре и других нормах мусульманского брака; социальная незащищенность женщины и др.

Остро стоит проблема социальной незащищенности женщины. Сталкиваясь с притеснением по религиозному признаку, с насилием в семье, с

обнаружением многоженства, она не знает куда обратиться, особенно если родительская семья негативно отнеслась к ее религиозному выбору. Квалифицированных психологов с пониманием ислама и специфических проблем неофитов крайне мало. Имамы часто не могут дать компетентный совет, а иногда и усугубляют ситуацию обратившейся женщины.

Из всех вопросов, связанных с замужеством, наиболее болезненно воспринимается многоженство (более половины респондентов внутренне не принимают его дозволенность) и тайные браки. На втором месте по внутреннему неприятию стоит подчинение мужу.

Сложности в общении с мусульманками других национальностей или с иным пониманием ислама отметили 59%, из них 37% сталкивались с проблемой общения из-за разного понимания ислама. Самый частый ответ: «Иногда мне трудно бывает с теми, кто очень узко понимает ислам / склонен к радикальным взглядам / склонен к такфиру (обвинению в неверии)». В целом, чем более гибок человек и чем шире его кругозор, тем меньше у него трудностей в общении.

Из-за нехватки живого общения и невозможности получить квалифицированную консультацию в мечети частой практикой является поиск решения проблем в социальных сетях – в сообществах русскоязычных мусульман из разных стран и на любых сайтах, где рассматриваются схожие с запросом проблемы. Здесь кроется риск получения недостоверной информации и принятия не самых лучших решений на ее основе. Случается, что недостоверная информация потом передается другим людям, часто она касается таких важных аспектов, как вопросы брака, развода, отношений с родителями.

Выявлена проблема несоответствия самовосприятия восприятию другими людьми: «Я разговорила с одной православной бабушкой, и она посчитала меня предательницей веры, хотя никого не предавала – для меня это был естественный переход в результате изменившегося мировоззрения». Бывает, что семье навязываются национальные традиции, принятые в религиозной общине, одна из участниц высказала свою реакцию на это: «Я русская, мой муж тоже, у нас русские дети, они в исламе с рождения. Почему мы должны под кого-то подстраиваться и перенимать чьи-то традиции? Я считаю, что “русские” – это тоже мусульманский этнос, и порой чувствую себя ущемленной по национальному признаку».

Отметим и положительные стороны, дающие возможность для развития межкультурного диалога, – это широта кругозора и предрасположенность к восприятию ценностей иной культуры, свойственные большинству респон-

дентов. Этот ценный ресурс хорошо обозначила А.О. Никитичева: «Несмотря на то что, по оценкам лидеров изучаемых общин, новообращенные из числа русских составляют всегда крайне малую часть этих общин, их роль как людей, совместивших в своем мировоззрении различные по происхождению культуры, представляется особенно важной, поскольку открывает перспективы для качественно иного диалога между этими культурами» [11].

Четвертый блок содержал модификацию теста Куна-Макпартленда «Кто Я» [18] и два опроса методом неоконченных предложений. В опросах респондентам предлагалось окончить предложения «Я мусульманка – это значит, что я...» и «ислам – это...» десятью различными способами. Анализ теста Куна-Макпартленда выявил в качестве ключевых компонентов идентичности религиозную, семейную, гендерную, а также категорию «человек». Схожие результаты получила А.В. Погонцева в исследовании 2019 года, основанном на 20-ти интервью с мусульманами, перешедшими в ислам из христианства [12].

Таблица 2. / Table 2.

Сопоставление результатов исследования А. Погонцевой и Л. Суюновой
Comparison of research results by A. Pogontseva and L. Suyunova

Сопоставляемые идентификационные категории	% респондентов, на- завших категорию		% респондентов, ука- завших категорию на 1-2 месте	
	Суюнова	Погонцева	Суюнова	Погонцева
Религиозная	78	75	48	60
Семейная (мама, жена и др.)	100	55	41	45
Гендерная	81	50	37	40
Человек / личность	74	70	37	45
Позитивные личностные характе- ристики	93	30	22	5
Профессия, учеба, род деятельности	70	35	7	10
Национальная	19	5	-	5

Оба исследования свидетельствуют о наибольшей важности религиозной, семейной и гендерной идентичности респондентов, но степень их значимости не одинакова. Респонденты проведенного нами исследования придают больший вес семейной и гендерной идентичности, чем в исследовании А. Погонцевой. Это можно объяснить гендерным различием в составе респонден-

тов. В нашем исследовании участвовали только женщины, а в исследовании А. Погонцевой 30% составляли мужчины. В нашем исследовании значительно больший процент респондентов указал профессиональную принадлежность, выявление причин этого требует дополнительного изучения.

Еще одним сходством с исследованием А.В. Погонцевой является выявленная нами тенденция к потере личностной идентичности и ее замене на социальную. Это проявляется в прямом указании на конфессиональную идентичность «мусульманка», а также через выражения, характерные для догм и предписаний ислама «раба Аллаха», «творение Всевышнего».

Национальная идентичность является второстепенной для большинства респондентов. Это полностью вписывается в современную модель межкультурных социологических исследований, которые в условиях глобализации и активной миграции призывают к деэтнизации и, в отличие от исследований прежних десятилетий, базируются на положении об этничности не как об изначально заданном константном показателе, а как о результате социального конструирования. Эта методология уже опробована на западе, в частности в Германии. Анализ результатов этих исследований и их преимуществ представлен в статье Е.А. Деревянченко, Ю.И. Деревянченко [25].

Обращаясь к концепции множественной идентичности С. Роккаса и М. Брюера [23], можно предположить такие отношения между идентичностями, как пересечение и преобладание. При пересечении человек ассоциирует себя с одной конкретной группой или общностью, члены которой сочетают несколько его идентичностей, что мы и видим. При преобладании одна из имеющихся идентичностей доминирует. Это также имеет место, поскольку в понимании респондентов быть хорошей мусульманкой – значит быть хорошей женой и матерью. Эти же отношения прослеживаются и в других исследованиях идентичности. Например, в исследовании О.С. Павловой [10] выявлено пересечение национальной и религиозной идентичностей студентов-мусульман, проживающих в Чеченской республике.

Феномен пересечения и преобладания идентичностей часто выявляется в исследованиях. Более явным это становится при рассмотрении результатов опроса методом неоконченных предложений.

В задании 3.2. респондентам предлагалось окончить предложение «Я мусульманка – это значит, что я...» десятью различными способами. Схожие ответы обобщались. На основе наиболее частых ответов составлен собирательный образ мусульманки.

В представлении респондентов мусульманка покорна Богу, подчиняется Его законам, принимает Его волю и осознанно отказывается от запретного. Она довольна своей религией, судьбой, предопределением и за все благодарна Создателю. Она соблюдает установления ислама в повседневной жизни, стремится к получению религиозных знаний.

Мусульманка верит в Аллаха, в Ангелов, в Книги, в посланников, Судный день и в предопределение добра и зла. Она свидетельствует, что нет Бога достойного поклонения, кроме Аллаха, и что Мухаммад – посланник Аллаха. Она поклоняется Аллаху, уповает на Него и стремится к Его довольству.

Мусульманка совершает намаз, носит хиджаб, соблюдает пост в Рамадан, мечтает о хадже. Она ощущает себя под защитой Аллаха – наилучшего Покровителя. Она старается следовать примеру Пророка, любит и соблюдает сунну. Она воспитывает детей в исламе и в любви к Аллаху и Его посланнику.

Мусульманка честна и правдива со всеми, соблюдает договоры, держит слово, выполняет обещания. Она старается быть хорошим примером ислама в обществе, осознает ответственность перед Богом и людьми за свои поступки и поведение. В общении мусульманка дружелюбна, приветлива, доброжелательна, воспитанна и благонаравна. Она помогает людям, старается делать добрые дела, уважает людей, независимо от их религии открыта к диалогу, никому не причиняет вреда.

Она чувствует присутствие Аллаха в своей жизни и связь с Ним, надеется на прощение и спасение. Она верующая, праведная и богобоязненная, добрая, спокойная и уравновешенная. Она старается стать лучше и стремится к совершенству. Стремится к общению с единоверцами.

Мусульманка – хранительница очага. Она заботится о своих близких и молится о них, уважает свой род и поддерживает родственные связи. Она хорошая мать и дочь; хорошая жена, которая уважает своего мужа. Мусульманка ценит и бережет свое время. Мусульманка свободна в своем выборе.

В задании 3.3. респондентам предлагалось окончить предложение «ислам – это...» десятью различными способами. На основе анализа ответов выяснено, что ислам в представлении респондентов – это, прежде всего, единобожие, религия истины, Путь к Богу и счастью в обоих мирах, верное руководство, Коран и сунна. Его ключевые черты: покорность Создателю, благонаравие, любовь и уважение к себе и к другим людям, гармония с миром и с самим собой. В ответах также выделяется аспект религиозной преемственности: «ислам – религия всех пророков», поиска знаний: «содружество веры

и знания», «религия познающих и созидających». В целом ответы опроса 3.3. коррелируют с ответами опроса 3.2. и дополняют его.

Заключение

1. На основе проведенного исследования выявлены две группы проблем неэтнических мусульманок: 1) общие, свойственные большинству неопитов; 2) специфические, связанные с особенностями региона исследования.

2. Предпосылку к возникновению проблем общего типа создают характерные черты неопитов: а) доминирование религиозной идентичности; б) конструирование ее на основе собственного религиозного опыта, не в русле традиции и без достаточных знаний; в) стремление к распространению религиозных ценностей и преувеличенная ревность в поклонении.

3. Спецификой региона является крайне разнородный этнический состав мусульман, среди которых не более 1% русских, двойное психологическое давление на новообращенных мусульманок – со стороны общества и со стороны этнических мусульман.

4. К специфическим проблемам мы относим: а) трудности с религиозной практикой вне дома, в особенности с намазом и омовением; б) трудности во время учебы и работы из-за хиджаба; в) трудность соблюдения норм «халляль» в питании, особенно для детей в детских садах, школах, лагерях летнего отдыха, в период пребывания в больницах и в санаториях.

5. Трудность замужества связана с отсутствием традиции сватовства и участия родителей в устройении брака дочери. Часто у невесты нет опекуна (вали), а ее жених – представитель другой нации, с иным менталитетом.

6. Из всех вопросов, связанных с замужеством, наиболее болезненно воспринимаются многоженство и тайные браки, на втором месте – подчинение мужу.

7. Остро стоит проблема разрешения конфликтов в браке и социальной незащищенности женщин. Причины: отсутствие поддержки родственников, некомпетентность имамов в психологии и недостаток психологов-мусульман.

8. Связанные с религией проблемы в воспитании детей чаще всего возникают в трех случаях: если муж иной национальности; если родители жены/мужа негативно относятся к исламу; если дети были в осознанном возрасте, когда мама приняла ислам. Выявлены проблемы с социализацией детей, находящихся на семейном образовании, а также противоречия между школьными и семейными нормами обучения и общения.

9. Сложности при общении с мусульманками других наций или с иным пониманием ислама чаще всего вызывают: узкое понимание ислама и категоричность собеседника, языковой барьер, различие национальных традиций, менталитета и ценностей.

10. Нехватка специалистов с достаточным уровнем религиозных и психологических знаний, с пониманием менталитета неэтнических мусульманок.

11. Ключевыми идентичностями в результате перехода в ислам становятся: религиозная, семейная, гендерная, а также идентичности категории «человек». Выявлена тенденция к потере личностной идентичности и ее замене на социальную.

Рекомендации по религиозной социализации и решению актуальных проблем неэтнических мусульманок

1. Работающим с мусульманами специалистам (юристам, психологам, журналистам и др.) необходимо знать и понимать основы и этику ислама, быть гибкими и веротерпимыми. В этом помогли бы брошюры, ролики или курсы, созданные с этой целью.

2. Необходимо в целом повышать грамотность и лояльность населения в отношении ислама путем мероприятий в формате студенческих круглых столов, интеллектуальных игр типа «брейн-ринг» на знание традиционных религий и др. Возможно создание социальной рекламы посредством видеороликов и плакатов, на которых женщины в хиджабе и без него вместе занимаются каким-либо общественно-полезным делом.

3. К реализации социальных и межрелигиозных проектов можно привлечь областные комитеты по межконфессиональным отношениям, ДУМ СПб, волонтеров. Можно провести конкурс на лучший социальный ролик об исламе.

4. Регион нуждается в специалистах с базовым психологическим и религиозным образованием, возможно, полученным дистанционно.

5. Необходимо создавать центры поддержки мусульманских семей, где были бы просветительские курсы для молодежи, возможность встречи молодых людей, желающих вступить в брак, консультации специалистов с психологическим и религиозным образованием, возрождение института сватовства.

6. Решение проблем неэтнических мусульманок, связанных со спецификой региона, должно базироваться на обмене личным опытом и его тиражировании на женских встречах или в формате онлайн / очных курсов для неофитов.

Сулюнова Л.Д.

Актуальные проблемы неэтнических мусульманок в регионах с мусульманским меньшинством (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области)

7. Следует развивать взаимодействие между исламскими культурными центрами города, так как это способствует гармонизации межэтнических отношений мусульман.

Литература

1. Буланова И.С. Смысловое содержание религиозной конверсии. *Религиоведение*. 2013;4:132–138.

2. Исаева В.Б. Современные концептуальные модели социологии конверсии. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2014;166:108–113.

3. Пронина Т.С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2015;16(2):154–166.

4. Корчагина А.В. Психологические мотивы и последствия обращения в ислам: результаты социально-психологического исследования. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(2):375–385. DOI: 10.31162/2618-9569-2018-11-2-375-385

5. Мчедлова М.М. Религиозная идентичность. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. *Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий*. Семененко И.С. (ред.). М.: РОССПЭН; 2011. 208 с.

6. Малашенко А.В. *Исламские ориентиры Северного Кавказа*. М.: Гендальф; 2001. 180 с.

7. Энвэй К.Л. *Выбравшие иной путь*. М.: Садра; 2014. 320 с.

8. Исаева В.Б. *Социальный механизм религиозной конверсии на примере петербургской буддийской общины Карма Кагью: дисс.... канд. социол. наук*. СПб., 2015. 241 с.

9. Любимова А.И. Теории религиозной конверсии и новые религиозные движения в России. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2009;10(1):70–74.

10. Павлова О.С. Религиозная и этническая идентичность мусульман Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа: содержание и особенности соотношения. *Ислам в современном мире*. 2015;11(2):75–86. DOI: 10.20536/2074-1529-2015-11-2-75-86

11. Никитичева А.О. Русские мусульмане Подмосковья: аспекты самопонимания и роль в общинах. *Ислам в современном мире*. 2020;16(3):145–164.

12. Погонцева А.В. *Трансформация социальной идентичности в контексте смены религиозной принадлежности (на примере конвертитов мусуль-*

манского вероисповедания). ВКР (профиль: Социология). СПбГУ; 2019. 132 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nauchkor.ru/pubs/vliyanie-religioznoy-konversii-na-transformatsiyu-sotsialnoy-identichnosti-na-primere-perehoda-hristian-v-islam-5a6f88217966e12684eea086> (дата обращения: 20.02.2021).

13. Бариева Н.Ю., Муслимова К.И., Зязин С.Ю. Профессиональная и общественная деятельность мусульманок, как методы социализации ислама. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2019;1:25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/29SCSK119.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

14. Муслимова К.И. Мусульманская женщина: трансформация статуса и процесс идентификации. *Интернет-журнал «Мир науки»*. 2018;2(6). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/72PSMN218.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

15. Асеева Ю.Ю. Неофиты в исламе: психологические и социальные аспекты. *Ислам: личность и общество*. 2020;1:15–20.

16. Бикбаева В.Р. Программа помощи новообращенным мусульманкам «Что дальше?». как вариант духовной и социальной поддержки неофитов в процессе их интеграции вне мусульманского сообщества. *Ислам: личность и общество*. 2020;1:21–27.

17. Исаева В.Б. Биографический метод в социологических исследованиях религиозной конверсии (Авто)биография как объект социологического анализа. *Материалы X чтений памяти В.Б. Голофаства. 3–5 апреля 2018 г.* Божкова О.Б. (ред.) СПб.: Норма; 2018. С. 244–253.

18. *Словарь-справочник по психодиагностике*. Баларчук Л.Ф., Морозов С.М. (ред.). СПб.: Питер; 2008. 528 с.

19. Rambo L.R. *Understanding religious conversion*. New Haven: Yale University Press; 1993. 240 с.

20. Stark R.A., Bainbridge W.S. *Theory of Religion*. New York: Peter Land; 1987. 386 p.

21. Snow D.A., Machalek R. The Sociology of Conversion. *Annual Review of Sociology*. 1984;10:167–190.

22. Lofland J., Stark M. Becoming a World saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective. *American Sociological Review*. 1965;30(6):862–875.

23. Хухлаев О.Е. Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккас и М. Брюера. *Социальная психология и общество*. 2012;3:18–22.

Суянова Л.Д.

Актуальные проблемы неэтнических мусульманок в регионах с мусульманским меньшинством (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области)

24. Седанкина Т.Е. *Религиозная социология: исламский компонент*. Казань: КФУ; 2016. 193 с.

25. Деревянченко Е.А., Деревянченко Ю.И. К вопросу о деэтнизации межкультурного исследования в парадигме выстраивания границ. Познание и деятельность: от прошлого к настоящему. *Материалы II Всероссийской междисциплинарной научной конференции (Омск, 3 декабря 2020)*. Геращенко И.П. (ред.). Омск: Изд-во ОмГПУ; 2020. С. 124–127.

References

1. Bulanova I.S. Smyslovoe sodержanie religioznoy konversii [Semantic content of religious conversion]. *Religiovedenie* [Religious studies]. 2013;4:132–138. (In Russian)

2. Isaeva V.B. Sovremennye kontseptualnye modeli sotsiologii konversii [Modern conceptual models of conversion sociology]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A.I. Gertsena* [Herzen University Bulletin]. 2014;166:108–113. (In Russian)

3. Pronina T.S. Religioznaya identichnost' kak psihosotsialnyy fenomen [Religious identity as a psycho-social phenomenon]. *Vestnik russkoy hristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2015;16(2):154–166. (In Russian)

4. Korchagina A.V. Psikhologicheskie motivy i posledstviya obrashcheniya v islam: rezul'taty sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya [Conversion to Islam: its motives and consequences through the looking glass of Social and Psychological Research]. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(2):375–385. DOI: 10.31162/2618-9569-2018-11-2-375-385 (In Russian)

5. Mchedlova M.M. Religioznaya identichnost'. Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2 t. [Religious identity. Political identity and identity policy: in 2 volumes]. T. 1. *Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki: slovar' terminov i ponyatiy* [Vol. 1. Identity as a category of political science: dictionary of terms and concepts]. Semenenko I.S. (ed.). Moscow: ROSSPEN Publ.; 2011. 208 p. (In Russian)

6. Malashenko A.V. *Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza* [Islamic guidelines in the North Caucasus]. Moscow: Gendalf Press; 2001. 180 p. (In Russian)

7. Envei K.L. *Vybravshie inoy put'* [Those who chose a different path]. Moscow: Sadra; 2014. 320 p. (In Russian)

8. Isaeva V.B. *Sotsial'nyy mekhanizm religioznoy konversii na primere petersburgskoy buddiyskoy obshchiny Karma Kag'yu: diss.... kand. sotsiol. nauk* [Social

mechanism of religious conversion on the example of St. Petersburg Karma Kagyu Buddhist community: Dissertation in Sociology thesis]. St. Petersburg, 2015. 241 p. (In Russian)

9. Lyubimova A.I. Teorii religioznoy konversii i novye religioznye dvizheniya v Rossii [Theories of religious conversion and new religious movements in Russia]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2009;10(1):70–74. (In Russian)

10. Pavlova O.S. Religioznaya i etnicheskaya identichnost' musul'man Severo-Zapadnogo i Severo-Vostochnogo Kavkaza: sodержanie i osobennosti sootnosheniya [Religious and ethnic identity of Muslims in the North-West and North-East Caucasus: its content and correlation]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. 2015;11(2):75–86. DOI: 10.20536/2074-1529-2015-11-2-75-86 (In Russian)

11. Nikiticheva A.O. Russkie musul'mane Podmoskov'ya: aspekty samoponimaniya i rol' v obshchinakh [Russian Muslims of the Moscow Region: aspects of their self-comprehension and their role in communities]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. 2020;16(3):145–164. (In Russian)

12. Pogontseva A.V. *Transformatsiya sotsial'noy identichnosti v kontekste smeny religioznoy prinalozhnosti (na primere konvertitov musul'manskogo veroispovedaniya). VKR (profil': Sotsiolo-giya)* [Social identity transformation in the context of changing religious affiliation (on the example of Islam converts). Graduate Research (profile: Sociology)]. St. Petersburg State University; 2019. 132 p. [Electronic source]. Available at: <https://nauchkor.ru/pubs/vliyanie-religioznoy-konversii-na-transformatsiyu-sotsialnoy-identichnosti-na-primere-perehoda-hristian-v-islam-5a6f88217966e12684eea086> (Accessed: 20.01.2021). (In Russian)

13. Barieva N.Yu., Muslimova K.I., Zyazin S.Yu. Professional'naya i obshchestvennaya deyatel'nost' musul'manok, kak metody sotsializatsii islama [Professional and social activities of Muslim women as methods of Islam socialization]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies]. 2019;1:25. [Electronic source]. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/29SCSK119.pdf>. (Accessed: 20.01.2021). (In Russian)

14. Muslimova K.I. Musul'manskaya zhenshchina: transformatsiya statusa i protsess identifikatsii [A Muslim woman: status transformation and the process of identification]. *Mir nauki* [World of Science. Pedagogy and psychology, [online]] 2018;2(6). [Electronic source]. Available at: <https://mirnauki.com/PDF/72PSMN218.pdf> (Accessed: 20.01.2021). (In Russian)

15. Aseeva Yu.Yu. Neofity v islame: psikhologicheskie i sotsial'nye aspekty [Neophytes in Islam: psychological and social aspects]. *Islam: lichnost' i obshchestvo* [Islam: Personality and Society]. 2020;1:15–20. (In Russian)
16. Bikbaeva V.R. Programma pomoshchi novoobrashchennym musul'mankam «Chto dal'she?». kak variant dukhovnoy i sotsial'noy podderzhki neofitov v protsesse ikh integratsii vne musul'manskogo soobshchestva [«What's Next?». Assistance Program for Muslim Converts as an option for spiritual and social support of neophytes in the process of their integration beyond Muslim community]. *Islam: lichnost' i obshchestvo* [Islam: Personality and Society]. 2020;1:21–27. (In Russian)
17. Isaeva V.B. Biograficheskiy metod v sotsiologicheskikh issledovaniyakh religioznoy konversii (Avto)biografiya kak ob»ekt sotsiologicheskogo analiza [Biographical method in sociological research of religious conversion (Auto) biography as an object of sociological analysis]. *Materialy X chteniy pamyati V.B. Golofasta. 3-5 aprelya 2018 g.* [Materials of the X readings in memory of V.B. Golofast, April 3-5, 2018.]. Bozhkov O.B. (ed.). St. Petersburg: Norma Press; 2018, pp. 244–253. (In Russian)
18. *Slovar'-spravochnik po psikhodiagnostike* [Encyclopedic Dictionary on psycho-diagnostics]. Balarchuk L.F., Morozov S.M. (eds). St. Petersburg: Piter; 2008. 528 p. (In Russian)
19. Rambo L.R. *Understanding religious conversion*. New Haven: Yale University Press; 1993. 240 c.
20. Stark R.A, Bainbridge W.S. *Theory of Religion*. New York: Peter Land; 1987. 386 p.
21. Snow D.A., Machalek R. The Sociology of Conversion. *Annual Review of Sociology*. 1984;10:167–190.
22. Lofland J., Stark M. Becoming a Worldsaver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective. *American Sociological Review*. 1965;30(6):862–875.
23. Khukhlajev O.E. Slozhnost' sotsial'noy identichnosti: kontseptsiya S. Rokkas i M. Bryuera [Complexity of social identity: S. Rokkas and M. Brewer concept]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2012;3:18–22. (In Russian)
24. Sedankina T.E. *Religioznaya sotsiologiya: islamskiy komponent* [Religious sociology via Islamic Creed]. Kazan: Kazan Federal University; 2016. 193 p. (In Russian)
25. Derevjanchenko E.A., Derevjanchenko Yu.I. K voprosu o deetnizatsii mezhkul'turnogo issledovaniya v paradigme vystraivaniya granits. Poznanie i

deyatel'nost': ot proshlogo k nastoyashchemu [On the issue of the loss of ethnic consciousness in the process of intercultural research in the paradigm of building boundaries. Cognition and activity: from the past to the present]. *Materialy II Vserossijskoj mezhdistsiplinarnoj nauchnoj konferentsii (Omsk, 3 dekabrya 2020)* [Materials of the II All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference (Omsk, December 3, 2020)]. Gerashchenko I.P. (ed.). Omsk: Omsk State Pedagogical University Publishing House; 2020, pp. 124–127. (In Russian)

Информация об авторе

Суюнова Лада Дмитриевна, магистр теологии, член Ассоциации психологической помощи мусульманам, г. Москва, Российская Федерация; главный редактор издательского дома «Алиф», Казань, Российская Федерация.

About the author

Lada D. Suyunova, Master of Theology, Member of the Association for psychological assistance to Muslims, Moscow, the Russian Federation; editor-in-chief of «Alif» Publishing House, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 января 2021
Одобрена рецензентами: 03 февраля 2021
Принята к публикации: 26 февраля 2021

Article info

Received: January 15, 2021
Reviewed: February 03, 2021
Accepted: February 26, 2021